

Венеция

Гостиничная плесень,
как время, в душу вьелась.
И бьет о мостовые канальная вода.
Я в лабиринте улиц вдруг потеряла смелость
и стала так бояться, что не вернусь туда:

в гостиницу,
где просто под дверь вода сочится,
и чемодан на стуле, и окна на канал!
Я закрываю ставни.
Как сладко-сладко спится!
Мне снятся маски-лица —
веселый карнавал.

Комедия дель арте: насыщенные краски...
мне близок Панталоне, но рядом Арлекин —
так мало чистой грусти, и много наглой ласки,
и очень, очень сладко от самых кислых вин.

От вин и наслажденья, что рядом серенады
известный тенор дарит (взлетаем на волне).
Мой Арлекин наглеет, он жаждет лишь услады...
А город карнавалит, по-прежнему во сне.

Как шарф, упавший в воду,
вдруг гондола скользнула
под старый мост горбатый. И тут же поцелуй.
Наверно, очень крепко сегодня я уснула.
Любимый Панталоне, не надо, не ревнуй.

Я открываю ставни,
от холода проснулась.
Но снова маски-лица.
Не знаю, что со мной.

Игла свое воткнула острие
в последний звук
и прыгнула на место.
А я сложила вчетверо листок,
неотправления поставив сверху дату,
тому, кто был и верен, и жесток:
Знай место, женщина, —
он мне сказал когда-то.

Бусы

Прочна ли нить?
Ведь на нее
я нанизала дни и будни,
свое и даже не свое.
Однажды, как-то пополудни,
я улыбалась, как всегда,
и как всегда, почти шутила,
и неожиданно года
совсем случайно ощутила.
Да за какие же грехи
такие бусы мне на шею,
(по весу не из шелухи)
я не пойму, за что взрослею.
Нет, никому не покажу,
как ненавистно украшеньё.
Мне неприятно быть мишенью,
для тех, кто думает: брюзжу.
За право жить —
 обречена
вести с судьбой переговоры...
Спина прочна.
Прочна ли нить,
узнать бы: разорвется скоро?

* * *

Полосатой судьбой не брезгую:
встреча наша — полоска яркая.

Я отрежу полоску лезвием:
счастье белое, значит маркое.
Передрягами, пересудами
наслаждаются мысли гордые.
Мы не стали друг другу судьями,
ткнули только друг друга мордами.
Ненавистна полоска черная,
ожидаю полоску белую.
Интересно узнать — при чем здесь я,
если в счастье по-своему верую?

Вновь дыханье твое неровное
обмануло.
Я горе праздную?
Говорят, месть бывает кровная,
а моя месть своеобразная —
не грустить.

